5.7.2. История философии

Научная статья
УДК 1(091):141.111

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ЭЙДОСА В СРЕДНИХ ДИАЛОГАХ ПЛАТОНА

Цепенщиков Владимир Александрович, кандидат философских наук,
Военный университет радиоэлектроники, Россия, Череповец,
v.tsepenshchikov@inbox.ru

Аннотация. В статье исследуется генезис и трансформация онтологического статуса эйдоса в диалогах Платона среднего периода. На основе детального филологического анализа текстов «Федона», «Пира», «Государства» и «Федра», а также с опорой на методологию Тюбингенской школы, автор реконструирует эволюцию платоновской теории идей не как линейного догматического процесса, а как сложного диалектического становления. Особое внимание уделяется качественному сдвигу: переходу эйдоса от логико-лингвистической функции, служившей для преодоления софистических апорий, к фундаментальной метафизической субстанции, выступающей истинной причиной бытия и условием возможности познания. В работе анализируется строгая иерархия идей, венчаемая Идеей Блага, которая в «Государстве» наделяется функцией трансцендентного принципа, объединяющего бытие и мышление. С привлечением свидетельств Аристотеля о неписаных учениях и концепции «помощи логосу» из «Федра» обосновывается тезис о том, что письменная фиксация теории идей в средних диалогах носит исключительно пропедевтический характер. Платон намеренно оставляет свои онтологические конструкции незавершенными, направляя подготовленного читателя к живой устной диалектике и высшим неписаным началам. Сделан вывод, что теория эйдоса представляет собой открытую, развивающуюся систему философского поиска, а не застывшую метафизическую догму, что позволяет адекватно

разрешить традиционные противоречия в интерпретации платоновского наследия и объяснить кризисные явления позднего периода.

Ключевые слова: Платон; теория идей; эйдос; онтология; диалоги среднего периода; Тюбингенская школа; неписаные учения; диалектика; Идея Блага.

Original article

MIDDLE DIALOGUES THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF EIDOS IN PLATO'S

Tsepenshchikov Vladimir Aleksandrovich, Candidate of Philosophical Sciences, Military University of Radio Electronics, Cherepovets, Russia, v.tsepenshchikov@inbox.ru

Annotation. This article examines the genesis and transformation of the ontological status of eidos in Plato's dialogues of the middle period. Based on a detailed philological analysis of the texts of Phaedo, Symposium, Republic, and Phaedrus, and drawing on the methodology of the Tübingen school, the author reconstructs the evolution of Plato's theory of ideas not as a linear dogmatic process, but as a complex dialectical development. Particular attention is paid to a qualitative shift: the transition of eidos from a logical-linguistic function, serving to overcome sophistic aporias, to a fundamental metaphysical substance, serving as the true cause of being and the condition for the possibility of knowledge. The work analyzes the strict hierarchy of ideas, culminating in the Idea of the Good, which in the Republic is endowed with the function of a transcendent principle uniting being and thought. Drawing on Aristotle's evidence for unwritten teachings and the concept of "aid to the logos" from the Phaedrus, the thesis is substantiated that the written record of the theory of ideas in the middle dialogues is purely propaedeutic. Plato intentionally leaves his ontological constructs unfinished, directing the prepared reader to a living oral dialectic and higher unwritten principles. It is concluded that the theory of eidos represents an open,

evolving system of philosophical inquiry, rather than a rigid metaphysical dogma, which allows for an adequate resolution of traditional contradictions in the interpretation of Plato's legacy and an explanation for the crises of the late period.

Keywords: Plato; theory of ideas; eidos; ontology; dialogues of the middle period; Tübingen School; unwritten teachings; dialectics; Idea of Good.

Введение. Проблема становления учения об идеях в корпусе платоновских диалогов остается одним из наиболее дискуссионных вопросов в истории античной философии. Традиционный подход нередко рассматривает теорию эйдосов как внезапный метафизический прорыв [1], [2], однако в современных исследованиях этот процесс всё чаще рассматривается как длительная внутренняя эволюция философской мысли [3-5]. Генезис концепции эйдоса нельзя сводить к простому догматическому утверждению; он представляет собой сложный, многоступенчатый ответ на методологические трудности, возникшие в рамках ранней сократической философии. Понимание этой трансформации требует внимательного филологического и философского анализа того, как меняется статус универсалий от ранних текстов к зрелым, где эйдос приобретает самостоятельный онтологический статус и становится основанием платоновской метафизики.

В ранних диалогах, таких как «*Евтифрон*» или «*Лахет*», поиски определения добродетели (*ti esti*) носят преимущественно этический и методологический характер [6]. Сократический эленхос направлен на выявление противоречий в обыденных мнениях и установление устойчивых понятийных границ. На этом этапе универсалии еще не отделяются от чувственного мира в качестве самостоятельных сущностей. Платон фиксирует саму насущную потребность в общем определении, но не наделяет это общее независимым бытием. Философская рефлексия здесь сосредоточена на человеческой душе и ее способности к разумному суждению, тогда как онтологическое обоснование самих предметов познания остается незавершенным [7]. В диалогах отражен

поиск критериев истинного знания, который еще не получил окончательного метафизического обоснования и остается в рамках практической этики [8].

Существенный сдвиг в развитии платоновской мысли наблюдается в период, который исследователи условно обозначают как переходный, где ярко проявляются черты как сократического наследия, так и зарождающейся метафизики. В «Меноне» и «Федоне» гипотеза об идеях выдвигается как необходимое условие возможности самого познания и существования устойчивых нравственных ценностей [9]. Чтобы спасти сократические определения от релятивизма софистов, Платон вынужден предположить существование неизменных образцов, превосходящих изменчивый мир вещей. Эйдос перестает быть лишь логической предпосылкой определения и начинает претендовать на роль онтологической причины [10]. Этот переход не происходит мгновенно; он отражает глубокую внутреннюю работу мыслителя, который осознает, что без признания самостоятельного бытия сущностей этический интеллектуализм Сократа лишается прочного фундамента и рискует раствориться в потоке изменчивых мнений [11].

При анализе зрелых диалогов среднего периода, в первую очередь «*Государства*» и «*Федра*», необходимо учитывать специфику платоновской стратегии изложения. Как справедливо указывается в современных исследованиях, посвященных письменности философии у Платона, диалогическая форма не служит нейтральным способом изложения готовой доктрины. Письменный текст выступает здесь скорее как образ живой диалектической речи, требующий постоянного философского сопровождения. Платон намеренно оставляет в диалогах указания на необходимость дальнейшего углубления и обоснования выдвинутых положений. Философ, обладающий подлинным знанием, всегда готов прийти на помощь своему логосу (*boethein*), раскрыть те более ценные основания (*timiōtera*), которые не могли быть полностью и адекватно зафиксированы на письме [12-14]. Следовательно, трансформацию концепции эйдоса в средних диалогах следует рассматривать

как указание на существование более глубокого устного уровня философствования, на котором первые принципы получают окончательное обоснование в живом диалоге.

Исходя из этого, гипотеза о внутреннем развитии концепции эйдоса приобретает новую содержательную глубину. Эволюция от сократического поиска определений к зрелой онтологии идей отражает не просто смену философских интересов, но и постепенное осознание пределов письменной фиксации истины. Платон выстраивает строгую иерархию бытия, в которой эйдос занимает центральное место, однако он же настойчиво напоминает о том, что подлинное постижение этих сущностей требует активного диалогического усилия и личной вовлеченности познающего субъекта [15]. Настоящее исследование опирается на этот комплексный подход, рассматривая генезис теории идей как органичный процесс, в котором методологические поиски раннего периода трансформируются в развитую онтологическую систему, сохраняющую при этом принципиальную открытость к дальнейшему диалектическому раскрытию.

Обзор литературы. Историография платоновского учения об идеях традиционно развивается в рамках полемики между генетическим подходом, предполагающим поступательную эволюцию мысли философа [16], и унитаристским, усматривающим в корпусе диалогов единую, заранее заданную систему [17]. Филологическим фундаментом для большинства современных исследований остается критическое издание Дж. Бернета, которое обеспечивает надежную текстологическую базу для анализа греческих оригиналов [18-20]. Однако сам по себе текстологический аппарат не снимает герменевтических трудностей, связанных с интерпретацией онтологического статуса *εἶδος* и *ἰδέα*.

Значительный сдвиг в понимании этой проблемы произошел благодаря трудам Тюбингенской школы (Г.Й. Кремер, К. Гайзер, Т.А. Шлецак). Как убедительно демонстрирует Т.А. Шлецак в своей монографии «Платон и письменность философии», знаменитая «критика письма» в финале «*Федра*»

(274b-278e) не представляет собой позднюю рефлексию уставшего автора. Напротив, это руководящий принцип всего платоновского письма. Диалог выступает лишь «образом» (*εἴδωλον*) живой устной речи, заведомо неполным и требующим философского «помощничества» (*βοηθεῖν*). Автор, обладающий подлинным знанием, всегда готов подкрепить написанное «более ценными основаниями» (*τιμιώτερα*), которые остаются за рамками текста [21]. Этот тезис существенно меняет подход к исследованию: вместо поиска в средних диалогах исчерпывающей догмы предлагается рассматривать их как намеренно незавершенные конструкции, отсылающие к более глубоким неписаным принципам (*ἄγραφα δόγματα*).

Внешним, хотя и критически настроенным, свидетельством формирования теории идей служат показания Аристотеля. В «Метафизике» (A 6, 987a–b; M 3–9) Стагирит фиксирует момент, когда Сократические поиски универсальных определений обрели самостоятельное бытие, отделившись (*χωρισμός*) от чувственных вещей [22]. Аристотель также указывает на введение «математических промежуточных сущностей», что свидетельствует о сложности онтологической иерархии, которую Платон выстраивал в устных беседах Академии. Опираясь на эти свидетельства, современная исследовательская практика стремится преодолеть разрыв между текстом диалогов и сообщаемой Аристотелем метафизической системой.

Материалы и методы исследования. Эмпирическую базу исследования составил корпус текстов, традиционно относимых к среднему периоду творчества Платона: «*Федон*», «*Пир*», «*Государство*» и «*Федр*». Выбор этого корпуса обусловлен тем, что именно в этих сочинениях эйдос претерпевает качественную трансформацию: из логико-лингвистического инструмента, служащего для опровержения софистических апорий, он превращается в фундаментальную онтологическую субстанцию. При этом методология исследования сознательно отказывается от априорного допущения линейной эволюции. Вместо построения линейной причинно-следственной схемы

применяется метод историко-философской реконструкции [23].

Анализ опирается на детальную филологическую экспликацию греческих терминов (таблица 1). Понятия *εἶδος* (вид, облик) и *ἰδέα* (то, что видно, образ) рассматриваются не как абстрактные „идеи“ в современном смысле, а как онтологические образцы, обладающие причинной силой (*αἰτία*). Методологический аппарат включает элементы аналитической интерпретации для прояснения логической структуры аргументов Платона, а также герменевтический принцип, сформулированный Шлецаком: чтение диалога как драматической ситуации, в которой Сократ намеренно утаивает или лишь намекает на высшие основания (*τιμιώτερα*), адаптируя свое учение к уровню собеседника [24].

Таблица 1 - Терминологические сдвиги в концепции эйдоса в диалогах среднего периода (на основе издания J. Burnet)

Диалог	Ключевой термин	Онтологическая функция	Статус по отношению к чувственному миру
Федон (74a–75d, 100c)	αὐτὸ τὸ ὅ ἐστιν (само то, что есть)	Αἰτία (причина) бытия и познания; основа «безопасного ответа».	Радикальное отделение (χωρισμός); чувственные вещи лишь «причастны» или «подражают» эйдосу.
Пир (210e–211b)	ἰδέα (в единственном числе)	Абсолютный, неизменный первообраз красоты, не зависящий от времени и места.	Иерархическое превосходство; чувственная красота есть лишь первая ступень восхождения.
Государство (507b–509b)	ἡ τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέα	Принцип единства бытия и познания; источник сущности (οὐσία) других идей.	«По ту сторону сущности» (ἐπέκεινα τῆς οὐσίας); предельная онтологическая основа.
Федр (247c–e, 278c)	ἡ οὐσία ὄντως οὖσα (истинно сущее)	Объект созерцания души до ее воплощения; то, ради чего ведется устная диалектика.	Письменное изложение об идеях признается лишь «игрой» (παιδιά) по сравнению с устным знанием.

Источник: составлено автором.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ «Федона» обнаруживает первый этап онтологизации эйдоса. В знаменитом пассаже о «причинах» (100c–105c) Платон формулирует так называемый «безопасный ответ» (*ἀσφαλὴς ἀπόκρισις*). Вещь является прекрасной не из-за своих физических

свойств, а исключительно благодаря присутствию в ней «самого прекрасного» (*αὐτὸ τὸ καλόν*). Здесь эйдос выступает как единственная подлинная αἰτία. Важнейшей проблемой этого диалога становится самопредикация: утверждение, что «само прекрасное прекрасно». Платон проводит строгую границу между способом бытия эйдоса и способом бытия чувственных вещей. Эйдос прекрасен сам по себе, тождественен себе и неизменен, тогда как чувственные предметы прекрасны лишь относительно и противоречиво. На данном этапе теория успешно решает задачу обоснования возможности достоверного познания, однако жесткий дуализм и механистическое понимание «причастности» (*μέθεξις*) создают внутренние трудности этой концепции, которые позднее становятся предметом критики в «Парменида».

В «Государстве» и «Пире» концепция претерпевает существенное усложнение. Эйдос перестает быть просто набором разрозненных совершенных образцов. Вводится принцип иерархии, венцом которого становится Идея Блага (*ἡ τοῦ ἀγαθοῦ ἰδέα*). В метафоре Солнца (Resp. 508e) Благо наделяется двойственной функцией: оно дарует познаваемость объектам (как солнце дарует свет) и одновременно является причиной их бытия (как солнце питает рост). Знаменитая формула «по ту сторону сущности» (*ἐπέκεινα τῆς οὐσίας, 509b*) указывает на то, что Благо не является просто еще одним эйдосом в ряду прочих. Это трансцендентный принцип, объединяющий бытие и мышление. Метафора разделенной линии и миф о пещере служат не просто иллюстрациями, а средствами философской аргументации, направляющими читателя к пониманию того, что чувственный мир есть лишь тень онтологической реальности, а подлинная философия требует восхождения к первым началам (рисунок 1).

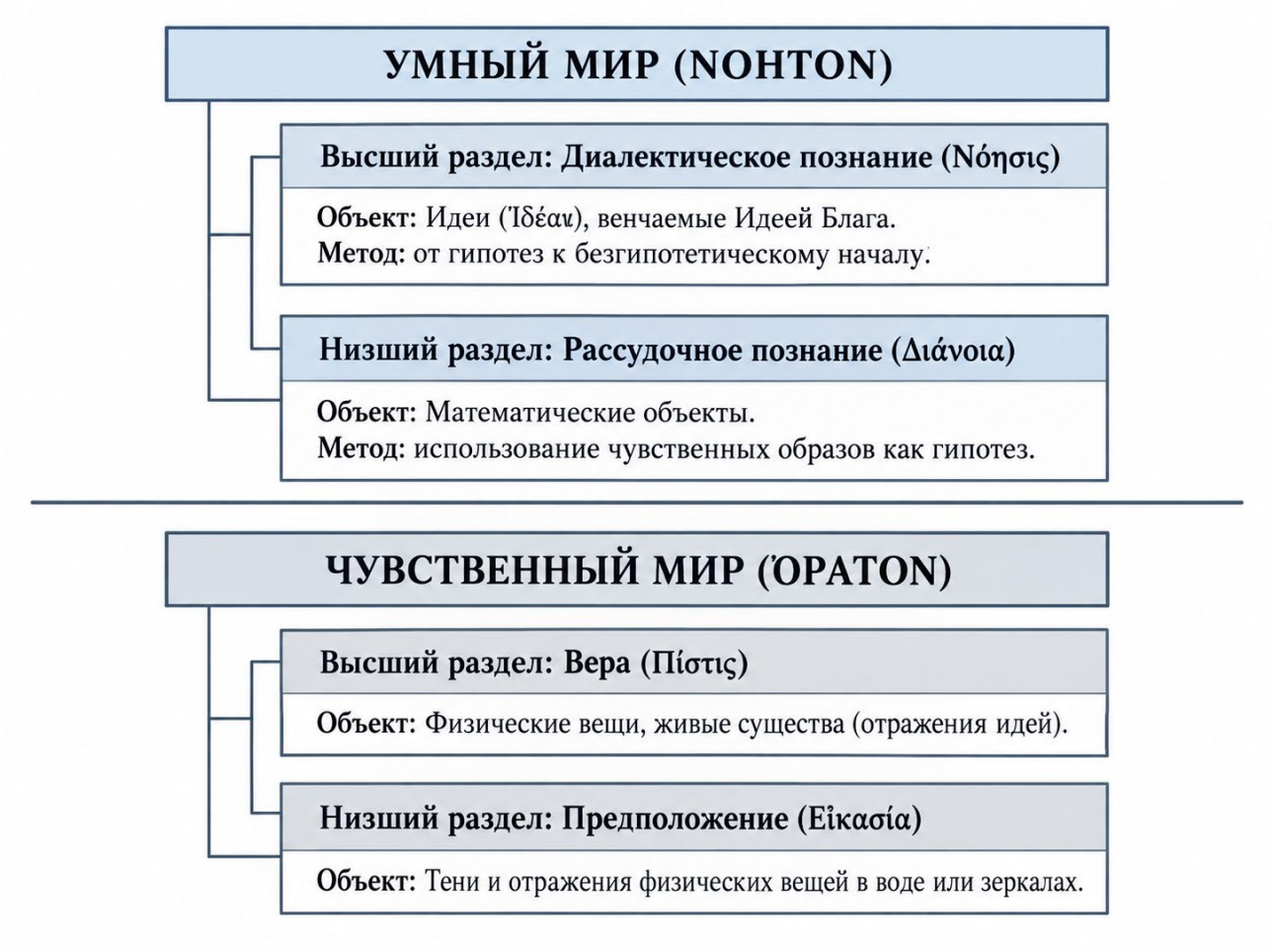

Рисунок 1 - Схема иерархии бытия и познания согласно метафоре разделенной линии («Государство», 509d–511e)

Данная структура наглядно демонстрирует, как Платон выстраивает онтологическую лестницу, где каждый нижний уровень получает свою реальность и познаваемость исключительно от уровня высшего.

Сравнительный анализ позволяет проследить трансформацию понятия от логической функции к метафизическому субстанциализму. В ранних диалогах требование дать определение (*τί ἐστι*) служило инструментом эленха. В среднем периоде это требование обретает онтологический вес: определение возможно только потому, что существует независимый от нас эйдос. Однако, обращаясь к «Федру», мы обнаруживаем важное ограничение этой субстанциализации. Согласно интерпретации Шлецака, противопоставляя письмо «ради игры» (*παιδιά*, 276d) серьезной устной диалектической работе с подготовленной душой (*σπουδή*, 276e), Платон указывает на пределы письменной фиксации теории идей.

Письменный текст не способен передать те «более ценные основания» (*τιμιώτερα*), которые обосновывают само существование эйдосов.

Эти основания, как следует из свидетельств Аристотеля о неписаных учениях, включали выведение идей из высших принципов — Единицы и Неопределенной Двоицы (таблица 2). Понимание этого факта снимает кажущееся противоречие между догматизмом средних диалогов и радикальной критикой теории идей в позднем «Парменида». Критика самопредикации и проблемы «третьего человека» в «Парменида» не означает отказа Платона от эйдосов. Скорее, это демонстрация того, что теория идей среднего периода, взятая изолированно, без опоры на высшие неписаные принципы, ведет к неразрешимым апориям. Платон намеренно оставляет эти проблемные места в своих письменных трудах, чтобы побудить ученика к самостоятельной диалектической работе [25].

Таблица 2 - Соотнесение критических замечаний Аристотеля с проблемными зонами диалогов Платона

Критический тезис Аристотеля (Metaphysica)	Отражение в диалогах Платона	Онтологическая проблема, требующая «помощи» (βοηθεῖν)
Проблема отделения (χωρισμός): идеи существуют отдельно от вещей, что делает невозможным объяснение их связи (A 6, 987b).	«Федон» (100d): вещи становятся такими благодаря «присутствию» или «причастности» идее, без уточнения механизма.	Необходимость введения промежуточных онтологических звеньев или динамического принципа причастности, не сводимого к пространственной метафоре.
Аргумент «третьего человека»: если человек и идеи человека подобны, требуется третья идея для объяснения этого подобия, и так до бесконечности (M 4, 1079a).	Подразумевается в самопредикации «Федона» и «Пира» (прекрасное само по себе прекрасно).	Ошибка приписывания чувственных предикатов трансцендентным сущностям в том же самом смысле (гомонимия).
Введение математических промежуточных сущностей между идеями и чувственными вещами (A 6, 987b).	Метафора разделенной линии («Государство», 509d–511e), где дианойя занимает промежуточное положение.	Потребность в более дробной онтологической иерархии, которая не была полностью эксплицирована в ранних и средних диалогах.

Источник: разработано автором.

Таким образом, генезис и трансформация концепции эйдоса в среднем

периоде не представляют собой прямолинейного движения к застывшей догме. Это сложный процесс изменения онтологического статуса понятия, сопровождаемый внутренними трудностями. Платон сознательно использует письменный диалог как пропедевтический инструмент. Он выстраивает развернутую структуру мира идей в «Федоне» и «Государстве», но в «Федре» подчеркивает, что письменный текст требует устного обоснования высших начал, обеспечивающих онтологическую устойчивость эйдосов. Признание этой специфики платоновского письма позволяет преодолеть упрощенные трактовки и увидеть в теории идей не набор метафизических утверждений, а развивающуюся систему философского поиска.

Выводы. Подводя итоги проведенного исследования, следует констатировать, что онтологический статус эйдоса в платоновском корпусе нельзя сводить к статичной метафизической догме. Напротив, анализ текстов среднего периода выявляет динамичный процесс становления концепции, в котором логические поиски ранних диалогов обретают фундаментальное бытийное измерение. Платон не просто постулирует существование независимых сущностей, но и выстраивает сложную иерархию, где каждая ступень реальности получает свое оправдание через причастность к высшим началам. При этом сам способ изложения этой теории в письменной форме остается принципиально незавершенным, что требует от исследователя особой внимательности к структуре диалога как жанра.

Как демонстрирует обращение к финалу «Федра» в контексте интерпретаций Тюбингенской школы, письменная фиксация учения об идеях выполняет скорее пропедевтическую, нежели исчерпывающую функцию. Диалогическая форма выступает здесь своеобразным образом живой речи, который намеренно оставляет пространство для дальнейшего углубления. Философ, владеющий подлинным знанием, всегда готов прийти на помощь своему логосу, опираясь на более ценные основания, не подлежащие прямой текстовой фиксации. Именно эта установка объясняет, почему теория идей в

«Государстве» или «Федоне» не предлагает окончательных ответов на все возникающие апории, а скорее намечает вектор движения мысли к неписаным началам, таким как Единица и Неопределенная Двоица, о которых упоминает Аристотель.

Историческое значение этой концепции для последующей западной метафизики трудно переоценить, однако оно носит двойственный характер. С одной стороны, платоновское разделение бытия на чувственный мир и мир умопостигаемых образцов заложило основы европейской философской традиции. Эта модель предопределила поиски трансцендентных оснований реальности в античности, средневековье и Новом времени, задав саму проблематику соотношения единичного и общего. С другой стороны, рецепция платонизма часто сопровождалась утратой того диалектического напряжения, которое присуще оригинальным текстам. Последующие мыслители, от неоплатоников до представителей схоластики, нередко превращали гибкую и открытую платоновскую онтологию в жесткую догматическую систему. Они игнорировали предупреждения самого Платона о пределах письменного слова и необходимости устного диалектического усилия для постижения истины.

В этой связи критика теории идей, развернутая в позднем «Парменида», предстает не как свидетельство отказа мыслителя от собственных открытий, а как закономерный этап развития его мысли. Выявленные там логические трудности, такие как проблема самопредикации или знаменитый аргумент «третьего человека», лишь подчеркивают недостаточность изолированного рассмотрения эйдосов без опоры на высшие метафизические принципы. Платон сознательно обнажает эти уязвимые места в своих сочинениях. Он побуждает читателя к самостоятельному философскому поиску, который должен выйти за рамки зафиксированного на пергаменте текста и обратиться к живой практике диалога.

Таким образом, генезис и трансформация концепции эйдоса в диалогах среднего периода отражают глубокую рефлексию Платона над природой

философского знания и пределами его передачи. Теория идей предстает перед исследователем не как застывший набор метафизических утверждений, а как развивающаяся система, требующая постоянного диалектического осмысления. Понимание этого обстоятельства позволяет преодолеть упрощенные трактовки платоновского наследия. Это позволяет рассматривать его учение не как закрытую доктрину, а как открытую систему философского поиска, в которой письменный текст служит отправной точкой для обращения к исходным началам бытия.

Список литературы

1. Гагинский А.М. Идея блага у Платона и Хайдеггера // Философская мысль. 2023. № 11. С. 34–64. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.11.69032.
2. Ebrey D. Plato's Phaedo: Forms, Death, and the Philosophical Life. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 362 p. DOI: 10.1017/9781108787475.
3. Leigh F. The Status and Power of the Good in Plato’s Republic // British Journal for the History of Philosophy. 2023. Vol. 31, No. 6. P. 1269–1278. DOI: 10.1080/09608788.2023.2180483.
4. Waterfield R. The Middle Dialogues // Plato of Athens: A Life in Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 158–177. DOI: 10.1093/oso/9780197564752.003.0006.
5. Протопопова И.А. Антиэтика Сократа: Платон versus Аристотель // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. 2023. Т. 17, № 1. С. 351–360. DOI: 10.25205/1995-4328-2023-17-1-351-360.
6. Matthews G.B. Why Plato Lost Interest in the Socratic Method / ed. S.M. Cohen. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. 119 p. DOI: 10.1007/978-3-031-13690-0.
7. Matthews G.B. Forms Left Unanalyzed: Phaedo // Why Plato Lost Interest in the Socratic Method. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 69–78. DOI: 10.1007/978-3-031-13690-0_7.
8. Афонасин Е.В. «Другая земля». Орфический мотив небесного путешествия в античной философии // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая

традиция. 2023. Т. 17, № 2. С. 1072–1083. DOI: 10.25205/1995-4328-2023-17-2-1072-1083.

9. Schofield M. How Plato Writes: Perspectives and Problems. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 320 p. DOI: 10.1017/9781108672603.

10. Wesselinoff C. Apophatic Beauty in the Hippias Major and the Symposium // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 2024. Vol. 82, No. 1. P. 36–44. DOI: 10.1093/jaac/kpad063.

11. Sedley D. Are Platonic Forms Concepts? // Betegh G., Tsouna V. (eds.). Conceptualising Concepts in Greek Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 74–95. DOI: 10.1017/9781009369596.007.

12. Brown L. Do Forms Play the Role of Concepts in Late Plato? // Conceptualising Concepts in Greek Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 96–118. DOI: 10.1017/9781009369596.008.

13. Warren J. Early Learning in Plato, Republic 7 // Conceptualising Concepts in Greek Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 56–73. DOI: 10.1017/9781009369596.006.

14. Dendrinos M. Categorizing Concept Predications and Participations in Platonic Dialogues: An Exhaustive Analysis of the Various Types of Participation of Things and Ideas in Ideas Throughout the Platonic Work // Plato Journal. 2024. Vol. 25. P. 25–43. DOI: 10.14195/2183-4105_25_2.

15. Gkatzaras T. The Distinction Between Knowledge and Opinion in Rep. 477c1–478a6 // Plato Journal. 2024. Vol. 25. P. 67–77. DOI: 10.14195/2183-4105_25_5.

16. Bickford S. Logos, Inspiration, and Self-Motion in Plato’s Phaedrus // Plato Journal. 2024. Vol. 25. P. 7–23. DOI: 10.14195/2183-4105_25_1.

17. Тихонов А.В. Метареализм Платона как учение о бытии, усматриваемое в «диалектике» «Парменида» // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. 2024. Т. 18, № 1. С. 239–251. DOI: 10.25205/1995-4328-2024-18-1-239-251.

18. Shields C. Fractured Goodness: Aristotle’s Response to Plato’s Form of the Good.

Oxford: Oxford University Press, 2024. DOI: 10.1093/9780198915720.001.0001.

19. Press G.A., Duque M. (eds.). The Bloomsbury Handbook of Plato. 2nd ed. London; New York: Bloomsbury Academic, 2024. 544 p.

20. Zali A.G.G. From chorismos to epekeina tes ousias: Mathematics and Hermeneutics in Plato's Philosophy // Plato Journal. 2025. Vol. 26. P. 51–68. DOI: 10.14195/2183-4105_26_3.

21. Ramón Cámara B. Plato's Question "Why?": An Analysis of Resp. 509b–c through Tim. 29d–30a // Problemos. 2025. Vol. 108. P. 8–21. DOI: 10.15388/Problemos.2025.108.1.

22. Dillon J. Platonism and the Natural World: How Far Do Plato or Later Platonists Appreciate the Beauties of Nature? // ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition. 2025. Vol. 19, No. 1. P. 8–18. DOI: 10.25205/1995-4328-2025-19-1-8-18.

23. Протопопова И.А. Герменевтика Хайдеггера как «антиплатонизм»: интерпретация аллегории пещеры // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. 2025. Т. 19, № 1. С. 395–416. DOI: 10.25205/1995-4328-2025-19-1-395-416.

24. Gutiérrez R. Justice, Koinonia and Unity: Phaedo, Republic and Parmenides // Plato Journal. 2026. Vol. 27. P. 7–26. DOI: 10.14195/2183-4105_27_1.

25. Bailey D.T.J. Plato's Phaedo: A Guide. Oxford: Oxford University Press, 2026. DOI: 10.1093/9780197667835.001.0001.

References

1. Gaginskij A.M. Ideya blaga u Platona i Xajdeggera // Filosofskaya my`sl`. 2023. № 11. S. 34–64. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.11.69032.

2. Ebrey D. Plato's Phaedo: Forms, Death, and the Philosophical Life. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 362 p. DOI: 10.1017/9781108787475.

3. Leigh F. The Status and Power of the Good in Plato's Republic // British Journal for the History of Philosophy. 2023. Vol. 31, No. 6. P. 1269–1278. DOI: 10.1080/09608788.2023.2180483.

4. Waterfield R. The Middle Dialogues // Plato of Athens: A Life in Philosophy.

Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 158–177. DOI: 10.1093/oso/9780197564752.003.0006.

5. Protopopova I.A. Antie`tika Sokrata: Platon versus Aristotel` // ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya. 2023. T. 17, № 1. S. 351–360. DOI: 10.25205/1995-4328-2023-17-1-351-360.

6. Matthews G.B. Why Plato Lost Interest in the Socratic Method / ed. S.M. Cohen. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. 119 p. DOI: 10.1007/978-3-031-13690-0.

7. Matthews G.B. Forms Left Unanalyzed: Phaedo // Why Plato Lost Interest in the Socratic Method. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 69–78. DOI: 10.1007/978-3-031-13690-0_7.

8. Afonasin E.V. «Drugaya zemlya». Orficheskij motiv nebesnogo puteshestviya v antichnoj filosofii // ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya. 2023. T. 17, № 2. S. 1072–1083. DOI: 10.25205/1995-4328-2023-17-2-1072-1083.

9. Schofield M. How Plato Writes: Perspectives and Problems. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 320 p. DOI: 10.1017/9781108672603.

10. Wesselinoff C. Apophatic Beauty in the Hippias Major and the Symposium // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 2024. Vol. 82, No. 1. P. 36–44. DOI: 10.1093/jaac/kpad063.

11. Sedley D. Are Platonic Forms Concepts? // Betegh G., Tsouna V. (eds.). Conceptualising Concepts in Greek Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 74–95. DOI: 10.1017/9781009369596.007.

12. Brown L. Do Forms Play the Role of Concepts in Late Plato? // Conceptualising Concepts in Greek Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 96–118. DOI: 10.1017/9781009369596.008.

13. Warren J. Early Learning in Plato, Republic 7 // Conceptualising Concepts in Greek Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 56–73. DOI: 10.1017/9781009369596.006.

14. Dendrinos M. Categorizing Concept Predications and Participations in Platonic Dialogues: An Exhaustive Analysis of the Various Types of Participation of Things

and Ideas in Ideas Throughout the Platonic Work // Plato Journal. 2024. Vol. 25. P. 25–43. DOI: 10.14195/2183-4105_25_2.

15. Gkatzaras T. The Distinction Between Knowledge and Opinion in Rep. 477c1–478a6 // Plato Journal. 2024. Vol. 25. P. 67–77. DOI: 10.14195/2183-4105_25_5.

16. Bickford S. Logos, Inspiration, and Self-Motion in Plato's Phaedrus // Plato Journal. 2024. Vol. 25. P. 7–23. DOI: 10.14195/2183-4105_25_1.

17. Tixonov A.V. Metarealizm Platona kak uchenie o by`tii, usmatrivaemoe v «dialektike» «Parmenida» // ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya. 2024. T. 18, № 1. S. 239–251. DOI: 10.25205/1995-4328-2024-18-1-239-251.

18. Shields C. Fractured Goodness: Aristotle's Response to Plato's Form of the Good. Oxford: Oxford University Press, 2024. DOI: 10.1093/9780198915720.001.0001.

19. Press G.A., Duque M. (eds.). The Bloomsbury Handbook of Plato. 2nd ed. London; New York: Bloomsbury Academic, 2024. 544 p.

20. Zali A.G.G. From chorismos to epekeina tes ousias: Mathematics and Hermeneutics in Plato's Philosophy // Plato Journal. 2025. Vol. 26. P. 51–68. DOI: 10.14195/2183-4105_26_3.

21. Ramón Cámara B. Plato's Question "Why?": An Analysis of Resp. 509b–c through Tim. 29d–30a // Problemos. 2025. Vol. 108. P. 8–21. DOI: 10.15388/Problemos.2025.108.1.

22. Dillon J. Platonism and the Natural World: How Far Do Plato or Later Platonists Appreciate the Beauties of Nature? // ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition. 2025. Vol. 19, No. 1. P. 8–18. DOI: 10.25205/1995-4328-2025-19-1-8-18.

23. Protopopova I.A. Germenevtika Xajdeggera kak «antiplatonizm»: interpretaciya allegorii peshhery` // ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya. 2025. T. 19, № 1. S. 395–416. DOI: 10.25205/1995-4328-2025-19-1-395-416.

24. Gutiérrez R. Justice, Koinonia and Unity: Phaedo, Republic and Parmenides // Plato Journal. 2026. Vol. 27. P. 7–26. DOI: 10.14195/2183-4105_27_1.

25. Bailey D.T.J. Plato's Phaedo: A Guide. Oxford: Oxford University Press, 2026.

DOI: 10.1093/9780197667835.001.0001.

Статья поступила в редакцию 17.06.2026; одобрена после рецензирования 23.07.2026; принята к публикации 01.10.2026.

The article was submitted 17.06.2026; approved after reviewing 23.07.2026; accepted for publication 01.10.2026.